

УДК 947. 083. 76

Иванов А.А.

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)*

**«ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ» П.Н. ДУРНОВО: ВЫСТУПЛЕНИЕ ЛИДЕРА
ПРАВОЙ ГРУППЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА 19 ИЮЛЯ 1915 г.***

A. Ivanov

*Russian State Pedagogical University named after
A.I. Herzen (Saint-Petersburg)*

**THE "SWAN SONG" OF P. DURNOVO: THE SPEECH OF THE RIGHT-WING'S
LEADER OF THE STATE COUNCIL OF 19 JULY 1915**

Аннотация. Статья посвящена видному государственному и политическому деятелю П.Н. Дурново и его взглядам на политическую ситуацию в России в годы Первой мировой войны. В работе впервые анализируется последняя публичная речь лидера правой группы в Государственном совете, ее восприятие в политических кругах и вызванные ею последствия. Автор приходит к выводу, что Дурново здраво оценивал сложившуюся в России ситуацию, но предлагаемые им меры по ее исправлению, несмотря на свою адекватность, не могли быть воплощены в жизнь по причине отсутствия в рядах правящей элиты сил, способных к их осуществлению.

Ключевые слова: П.Н. Дурново, правая группа, Государственный совет, консерватизм, Первая мировая война.

Abstract. The article is devoted to the prominent political statesman P.N. Durnovo and his views on the political situation in Russia during World War I. The last public speech of the right-wing leader in the State Council and its conception in political circles is examined in this paper as well as the consequences caused by this speech. The author concludes that Durnovo appraised the situation in Russia reasonably, but the measures suggested to its improvement could not be put into practice in spite of their relevance because of the lack of forces capable of their realization among the ruling elite.

Key words: P.N. Durnovo, right group, the State Council, conservatism, World War I.

Практически с самого начала функционирования реформированного Государственного совета (1906) вплоть до своей кончины в сентябре 1915 г., Петр Николаевич Дурново был бессменным руководителем его правой группы. В прошлом энергичный министр внутренних дел (1905–1906), прославившийся как активный борец с революцией, Дурново, по общему мнению современников, был человеком одаренным, обладавшим независимостью суждений и глубокими аналитическими способностями. Как отмечает биограф правого политика, А.П. Бородин, все современники – друзья и враги, при жизни и после смерти – были единодушны в оценке интеллекта П.Н. Дурново – «замечательно умен», «очень умен», «немалая умственная сила»; обладал «государственным умом», производил впечатление «вполне рассудительного человека» и т. д. [5, 49-50]¹. «Маленький, крепкий и живой человек, со своей скептической улыбкой и внимательным взором серьезных глаз <...>, человек с ясной головой», – так характеризовал его член Государственного совета В.М. Андреевский [1]. «...Дурново

---

* © Иванов А.А.

¹ А.П. Бородин ссылается на широкий перечень мемуарных и эпистолярных источников, указывая среди авторов данных характеристик Дурново В.Ф. Джунковского, А.В. Герасимова, А.П. Извольского, С.Д. Сазонова, С.Д. Урусова и др.

нельзя отказать в личном мужестве, ни в спокойном достоинстве. <...> Дурново к тому же был выше Столыпина и по уму, по заслугам перед Россией, которую спас в 1905 году от участи, постигшей ее в 1917-м», – утверждал С.Е. Крыжановский [8, 170]. По свидетельству видного консервативного мыслителя Л.А. Тихомирова, Дурново был «человек замечательно умный», «гениальных способностей, огромной силы, неподражаемой работоспособности, и почти чудесной проницательности», «удивительных дарований», обладавший «натурой бойца» [10, 127-128].

Между тем, несмотря на репутацию ретрограда, «Вия российской реакции» [20, 13 августа] и «живого протеста против нового духа времени» [15], созданную ему либеральными газетами, сам П.Н. Дурново к такому себя не относил, а свою твердость в отстаивании самодержавной монархии обосновывал не религиозными взглядами (что было свойственно большинству русских традиционалистов) или романтическими чувствами, а исходя из свойственного ему прагматизма. Как свидетельствовал член правой группы Государственного совета А.Н. Наумов, также считавший Дурново человеком «практической разумности, государственной прозорливости и опытности», «сообразительным и решительным», «выдающимся государственным практиком» [13, 49], лидер правых в частном разговоре с ним охарактеризовал свою политическую идеологию следующими словами. «Меня, – говорил политик, – все считают за заядлого монархиста, реакционного защитника самодержавия, несправимого «мракобеса»... и не предполагают, что я, может быть, по своим взглядам являюсь самым убежденным республиканцем, ибо я, на самом деле, считаю наиболее идеальным для всякого народа такое положение вещей, когда население может иметь во главе управления им же самим избранного достойнейшего гражданина президентом. Для некоторых стран подобный идеал, по тем или другим счастливым условиям, становится доступен. Этого ни в коем случае нельзя сказать про нашу обширнейшую и

разнохарактерную Российскую Империю, где по чисто практическим соображениям техника управления и цельность требует наличия исторически сложившегося царского стяга. Не станет его – распадется Россия. Таков неминуемый закон природы Российской государственности» [13, 150]. При этом, подчеркивал далее Наумов (сам человек более умеренных взглядов, чем Дурново и, в конце концов, покинувший правую группу), как лидер группы Петр Николаевич «чрезвычайно терпимо относился ко всем высказывавшимся под его председательством мнениям», вносил «в настроение руководимой им группы сдерживающее начало», умел «находить по многим законодательным вопросам общий язык с инакомыслящими коллегами» и «пользовался среди огромного большинства своих сочленов по Государственному Совету безусловным уважением и с его мнением все считались» [13; 150, 212].

Об этом же писал и руководитель политического сыска Российской империи, жандармский генерал А.В. Герасимов, отмечавший в своих воспоминаниях: «О нем (П.Н. Дурново – А. И.) сложилось представление как об очень реакционном человеке. Это представление не соответствовало действительности. Дурново был <...> отнюдь не человек, отрицавший необходимость для России больших преобразований» [16, 181]. Правда, в отношении гибкости Дурново Герасимов придерживался иного мнения, нежели Наумов, отмечая, что лидер правых «был очень своенравный, вспыльчивый человек, абсолютно не терпевший противоречий, иногда самодур» [16, 181].

Обладея незаурядным умом и большими аналитическими способностями, П.Н. Дурново не питал никаких иллюзий относительно реального положения дел в стране, отдавая полный отчет тому, что монархическая государственность находится в глубоком кризисе и будущее России не предвещает консерваторам ничего хорошего. «Мы находимся в тупике, – говорил он в 1912 г., – боюсь, что из него мы все, с Царем вместе, не сумеем выбраться!» [13, 215].

Не меньшую прозорливость проявил политик и перед самым началом Первой мировой войны, составив для императора аналитическую записку, в которой представил наиболее трезвое, аргументированное и удивительно точное обоснование катастрофичности для России столкновения с Германией. Пророческий характер этой «Записки» неоднократно привлекал внимание как современников, так и историков, а текст ее, начиная с 1920-х гг. [11], неоднократно публиковался, поэтому в рамках данной статьи не будем специально останавливаться на содержании этого документа. Отметим лишь, что та удивительная точность, с которой П.Н. Дурново предсказывал последствия для России войны с Германией, вплоть до либерального переворота и дальнейшего захвата власти левыми радикалами, порождала иногда даже сомнения в подлинности «Записки»¹. Однако, как утверждала М.Ю. Бобринская (урожденная княжна Трубецкая) в письме к А.И. Солженицыну, она читала эту записку еще до революции и потому может ручаться за ее достоверность². Действительно, прогноз П.Н. Дурново, сбывшийся практически до мелочей, содержащий, по одной из оценок, предвидение ситуации «с фотографической точностью» [5, 67], не может не поражать. Выдающийся советский историк Е.В. Тарле, в дореволюционные годы симпатизировавший кадетам, в своей статье, посвященной «Записке» Дурново, называл аналитику лидера правых Государственного совета «логически сильной попыткой» разрушить Антанту и избежать войны с Германией [19, 164]. Будучи идейным противником Дурново, он тем не менее признавал, что «в интеллектуальном отношении отрицать за ним ум ни в каком случае не приходится», а саму «Записку» и высказанные в ней мысли называл

полными предвидения «необычайной силы и точности», «отмеченными печатью большой аналитической силы» [19; 164, 175].

«Дурново был черносотенцем и реакционером, – писал советский историк М.П. Павлович, – но, несомненно, в оценке характера будущей войны, роли в ней Антанты, с одной стороны, России, с другой, в предвидении исхода войны, он обнаружил недюжинный ум и способность к правильному прогнозу. По сравнению с Дурново все светила нашей либеральной оппозиции и эсеровской партии, Милюковы, Маклаковы, Керенские и др. <...> оказываются жалкими пигмеями в умственном отношении, совершенно не понимавшими смысла мировой войны и не предугадавшими ее неизбежного исхода» [17, 182].

Но если о «Записке» П.Н. Дурново писалось уже не раз, то о последнем публичном выступлении лидера правых в Государственном совете известно гораздо меньше. А между тем именно речь политика, произнесенная 19 июля 1915 г. стала, по отзывам прессы, его «лебединой песней», своего рода предсмертным завещанием лидера правых власти.

Незадолго до начала очередной «военной» сессии законодательных учреждений, которая открывалась 19 июля 1915 г., П.Н. Дурново был крайне обеспокоен оживлением либеральной оппозиции и неоправданной, на его взгляд, уступчивостью правительственной власти. Находясь в отъезде в своем имении Трескино Саратовской губернии, он интересовался 11 июля 1915 г. у члена правой группы А.А. Нарышкина серьезностью положения и вопрошал: «Какое вообще положение в Петрограде и в частности в правой группе? Есть ли настоящая необходимость мне приехать немедленно, и имеется ли опасность каких-либо неосновательных выпадов из нашей группы? Особенно последних, ибо я мог бы сдержать и успокоить»³. Ответа Нарышкина на это письмо мы не знаем, но, судя

¹ Публицист левых взглядов Марк Алданов (Ландау), писал: «Когда читаешь эту «Записку», то порою кажется, что имеешь дело с апокрифом». Алданову казалось совершенно невероятным, каким образом царский чиновник «мог так поразительно точно и уверенно предсказать события гигантского исторического масштаба» [18, 135].

² Архив Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Ф. 1. Д. Е-68. Л. 6.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее: ГА РФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 333; Как вспоминал В.М. Андреевский, Дурново руководил правой группой «властной и твердой рукой», умея немедленно наводить в ней порядок [1].

по дальнейшим действиям П.Н. Дурново, его единомышленник на вопрос о необходимости срочного прибытия в Петербург лидера правых ответил утвердительно.

Спустя неделю, в первый день новой сессии Государственного совета, П.Н. Дурново выступил на правах лидера правой группы с глубокой и аргументированной речью, приковавшей к себе внимание современников. «Петр Николаевич Дурново выступал редко и лишь в крайних случаях, – подчеркивал А.Н. Наумов. – Говорил он тихо, размеренно и кратко, взвешивая каждое слово. Государственный Совет слушал его всегда с особым вниманием» [13, 166]. «П.Н. Дурново выступает с советской трибуны (т. е. с трибуны Государственного совета – А. И.) крайне редко и его, поэтому всегда слушают с особым интересом», – отмечало «Вечернее время» [7, 20 июля].

К тому же, сообщали газеты, 70-летний и тяжелобольной Дурново, сильно страдавший болезнью глаз, несколько оправился и впервые встал с постели лишь в середине января 1915 г. [7, 23 января]. Но, будучи тогда же переизбранным председателем правой группы, правый политик делал оговорку, что ввиду плохого самочувствия принимать участие в работах верхней палаты он не сможет [20, 17 января]. Поэтому, делали вывод журналисты, только острая необходимость могла заставить лидера правой группы лично выступить перед Государственным советом.

Начав с постигших Россию военных неудач, П.Н. Дурново представил членам верхней палаты свой взгляд на их причины. «Мы, как всегда, очень плохо подготовились в войне по всем отраслям военного и гражданского управления, – начал консервативный политик. – Мы по-прежнему порядку и по исконной привычке среди громадных ворохов бумаг все время искали и не могли отыскать Россию в войне, и поэтому вели войну без достаточной и совершенно необходимой интенсивности. Виноваты в этом мы все, грамотные русские» [9, 35].

Подчеркнув далее, что наиболее виноватых он называть не будет, Дурново отметил,

что этого и не требуется, «т. к. корень зла не в них, а в том, что мы боимся приказывать». С этих слов речь политика приобрела программный характер и наделала немало шума в либеральной прессе. «Боялись приказывать, и вместо того, чтобы распоряжаться, писались циркуляры, издавались бесчисленные законы, а власть, которая не любит помещений, тем временем улетучивалась в поисках более крепких оболочек, которые и находила там, где ей совсем не место, – отмечал Дурново. – Между тем мы были обязаны твердо помнить, что в России еще можно и должно приказывать и Русский Государь может повелеть все, что Его Высшему разумению полезно и необходимо для Его народа, и никто, не только неграмотный, но и грамотный, не дерзнет Его послушаться. Послушаются не только Царского повеления, но и повеления того, кого Царь на то уполномочит. <...> Вот почему правительство обязано воспитывать в этом духе не только народ, но и все без исключения учреждения из народа исходящие, а также и своих собственных представителей. Без этого нельзя вести войны и всякую начавшуюся благоприятную войну можно превратить в непоправимое бедствие» [9, 35].

Выход из сложившейся печальной для власти и правых ситуации виделся П.Н. Дурново в следующем: «Нужно бросить перья и чернила. Молодых чиновников полезно послать на войну, молодых начальников учить приказывать и повиноваться и забыть страх перед разными фетишами, перед которыми мы так часто раскланиваемся. Когда пройдет несколько месяцев такого режима, то всякий встанет на свое место, будут забыты никому не нужные сейчас реформы, и мало по малу пойдут победы, которые приведут Россию к положению, когда уже будут возможны реформы и всякие другие изменения. Но можно только удивляться, читая о реформах средней и высшей школы в такие времена как теперь» [9, 35-36].

Речь эта – прямолинейная и лишенная всяких экивоков – в своей основе была, вне всякого сомнения, справедливой. Другое дело, что рецепт Дурново по наведению по-

рядка в ведущей тяжелейшую войну стране некому было претворять в жизнь. Приказывать власть действительно разучилась. А оппозиционно настроенное общество, как и следовало ожидать, встретила этот демарш в штыхы, поспешив навесить на дальновидного старика ярлык махрового ретрограда, «не понимающего» подлинных интересов России.

«Более категорического самоосуждения – самоосуждения не только лица, но и партии (т.е. правой группы Государственного совета – А.И.), – нельзя себе и представить. <...> Доктрина, проповедуемая П.Н. Дурново, господствовала в России в течение долгих десятилетий; лучше ли от этого шли государственные дела? Лучше ли жилось народу?» – риторически вопрошал политический обозреватель «Вестника Европы» К.К. Арсеньев [2, 353]. Резюмируя впечатление от речи лидера правой группы, Арсеньев замечал: «Итак, «крайне правые» ни на шаг не сдвинулись с давно занятой ими боевой позиции: они ничего не забыли и ничему не научились» [2, 354].

Либеральный лагерь воспринял речь лидера правой группы как официальную декларацию самого консервативного крыла Государственного совета. Отмечая, что прежде чем обратиться к «верхней палате», Дурново совещался со своим коллегой по группе А.С. Стишинским и другими видными деятелями группы правых, газета «Вечерне время» делала вывод, что речь политика является отражением настроения всей группы и потому ей должно придаваться «симптоматическое значение» [7, 20 июля].

Однако на деле было не так. Речь П.Н. Дурново испугала часть правых, почувствовавших себя после спокойного и твердого выступления своего лидера в «неудобном положении» перед «обществом». Как справедливо замечает А.Н. Мичурин, «хотя речь лидера правой группы звучала как заявление от всех правых, правые поспешили откреститься от этого заявления, чувствуя, что речь П.Н. Дурново будет диссонансом в дружном хоре заявлений других групп Государствен-

ного совета» [12, 61]. Показательно, что вслед за Дурново сразу же выступил другой член правой группы – князь Д.П. Голицын-Муравлин, который постарался несколько смягчить прямоту своего единомышленника. Как бы извиняясь перед членами Государственного совета за «нетактичное» поведение Дурново, князь стал убеждать высокое собрание в том, что к войне Россия подготовилась хорошо, а «священному единению» всех политических сил, объявленному в июле 1914 г., абсолютно ничего не угрожает. «...Подготовленными оказались именно мы, а не наши враги, – заявлял он. – <...> Германия готовилась к войне, как преступник готовится к убийству, Россия же оказалась подготовленной к подвигу. <...> С первого же дня войны мы одержали решительную победу, ибо завоевали свое единение. Все отряды нашей мысли слились, сплотились, и получилась такая сила, которая не боится никакой отравы. <...> Мы не будем ни участниками, ни свидетелями праздной розни, мы все, русские люди, творцы своего единства, не сделаемся его разрушителями» [9, 37–38]. Кто оказался прав, искушенный бюрократ Дурново, всегда отличавшейся ясностью мысли и глубоким анализом ситуации, или эмоциональный литератор Голицын-Муравлин, наглядно показало время.

Но тогда многих правых покорило выступление Дурново. В июле 1915 г. членам правой группы казалось, что тревоги некоторых их единомышленников начавшимся сплочением либералов, безосновательны. «В Совете большая неразбериха и совершенно нельзя сказать, когда и как все это кончится», – замечал в письме к жене видный член правой группы А.Ф. Трепов. Но, продолжал он далее, «Дума, по-моему, начинает выдыхаться со своим шумом, и есть основания полагать, что все уляжется и ограничится помощником военного министра Гучковым, особой комиссией по снабжению армии и подоходным налогом. Все это займет недели три, а затем и по домам»¹. Но на деле, все вышло совсем не так.

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1026. Л. 450.

Между тем, как сообщало «Утро России», после выступления лидера правой группы «значительная часть правых и центра» отзывалась «весьма неодобрительно о речи Дурново, произнесенной в день открытия верхней палаты». «П.Н. Дурново, по их мнению, не оценил момента, переживаемого Россией, и такое выступление не дает надежды, что эти люди способны ради патриотических целей (как будто выступление Дурново не было патриотичным! – А. И.) отказаться от своих реакционных взглядов», – заключал рупор прогрессистов [20, 21 июля]. Впрочем, переиначивая сообщение газеты, с таким же основанием можно было бы заявить, что и оппозиционные силы не могут ради патриотических целей отказаться от своих либеральных взглядов, что, в общем-то, и показали дальнейшие события.

Смутила речь Дурново и такого видного члена думской фракции правых, как А.Н. Хвостов. В двадцатых числах июля 1915 г. он сетовал в письме к супруге: «Голова прямо идет кругом. С одной стороны Дурново говорит в Гос. Совете о том, что власть постепенно переходит из слабых рук в твердые, но «которым иметь власть не подобает», – намек на переход власти из рук кабинета в общественную организацию. С другой стороны, говорят, да и мы видим, что снабжение армии снарядами нельзя оставлять в руках правительства, и нам же приходится помогать переходу власти к общественной организации. Как умно вели себя кадеты. Ведь это обеспечило им избрание в 5-ую Думу, и тогда они проведут все, что захотят...»¹. А 3 августа Хвостов прокомментировал речь Дурново уже публично. Начав с пояснения, что он говорит от себя лично, а не как лидер фракции правых, Хвостов, как бы обращаясь к Дурново, заявил: «в настоящее время сначала надо, чтобы власть сумела справиться с оскорбительным для нас немецким засильем внутри страны, чтобы она в области дороговизны жизни поставила бы наконец интересы населения выше интересов банковских кругов, чтобы в сознании народном власть

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1025. Л. 391.

перестала быть виноватой, и тогда, только тогда, она может приказывать, и народ пойдет за ней» [6, 27].

Эти слова правого депутата, как следует из стенограммы, вызвали бурные и продолжительные рукоплескания как справа, так в центре и слева. Хвостову удалось показать Думе, что думские правые, по крайней мере, их часть, принимают речь Дурново с существенной оговоркой и находят существующее правительство (по крайней мере, в данный момент) не имеющим морального права вводить в стране диктатуру. С одной стороны, Хвостов тем самым спасал свою репутацию человека хоть и правого, но расположенного к общественности, а с другой, к явному удовлетворению оппозиции, демонстрировал отсутствие единства в правом лагере, утверждая левых и либералов в мысли, что за твердой позицией Дурново не стоит сплоченных единомышленных сил, готовых за эту позицию бороться и проводить ее в жизнь.

Вместе с тем, во многом солидарен с Дурново был Л.А. Тихомиров. Отмечая в своем дневнике, что Германии удалось сплотить народ культом силы, который, хоть и является «идеей чисто сатанинской», но все же является *идеей*, он сетовал на отсутствие равной по силе сплочения идеи в русском обществе. «У нас множество противоположных точек зрения, взаимно подрывающих; каждая идея создает то, что другие подрывают, и в общей сложности получается бессилие анархии, и отсутствие национального единения. Партии не дополняют одна другую, а исключают. В общем получается бессилие. Только страшно сильное правительство могло направлять к подобию единства эту разношерстную нацию. П.Н. Дурново прав, что теперь нужно уметь приказывать (здесь и далее выделено Л.А. Тихомировым – А. И.), но он упускает из виду, что уже нет никого, кто мог бы приказать. Это было и сплыло. А за отсутствием этого – являются в критический момент только ссоры, пререкания, взаимообличения», – сокрушался Тихомиров [10, 92]. ««Нужно уметь приказывать», – сказал он (Дурново – А. И.) в своей последней речи... Да, конеч-

но, – «нужно уметь». Но как этому научить? И сверх того – для успешного приказания нужно, чтобы оно соответствовало обстоятельствам. Значит нужно не только «уметь приказывать», но «знать, что должно и что можно приказывать». Сверх того, и главнее всего, нужно, чтобы приказывающий – не подорвал своего авторитета раньше, и чтобы его приказу страна и сами органы власти верили, как слову серьезному и безоговорочному», – рассуждал Тихомиров на страницах своего дневника [10, 135].

Эта речь, которую по сообщению газет, современники весьма бурно обсуждали, стала последним выступлением П.Н. Дурново в Государственном совете. «Пал авторитет П.Н. Дурново, речь которого в заседании 19-го июля звучала как апофеоз старого порядка; теперь она становится похожей на его отпевание», – замечал в эти дни либеральный публицист К.К. Арсеньев [3; 361-362].

Приэтом речи П.Н. Дурново суждено было стать катализатором кризисных процессов внутри правой группы, в которой сразу же наметились шатания. Часть правых потребовала от своего президиума изменения курса групповой политики и более благожелательного отношения к Государственной думе, а после отказа руководства удовлетворить эти требования несколько членов Госсовета покинули правую группу. В какой-то момент ситуация для существования правого крыла Государственного совета стала прямо угрожающей – значительная часть членов правой группы, будучи недовольными действиями ее руководства, решили образовать новое объединение, условно названное «второй правой группой»¹.

Однако альтернативная консервативная группа так и не была создана – видя, что члены правой группы начинают покидать ее и обеспокоенный грозящим расколом, физически ослабевший П.Н. Дурново принял вынужденное решение отказаться от лидерства, передав бразды правления графу А.А. Бобринскому, «как лицу более гибкому в

смысле убеждений» [14, 60]. «Мало похож на П.Н. Дурново <...> вновь намеченный лидер правых Государственного совета: шествие напролом, по всей вероятности, уступит место дипломатически осторожным маневрам», – достаточно точно характеризовал суть перестановок в руководстве правой группой оппозиционный публицист [4, 371].

Спустя менее двух месяцев после сложения своих председательских полномочий, 11 сентября 1915 г. П.Н. Дурново скончался от паралича сердца. «Уже ослабнувший, уже охваченный предсмертным томлением духа, Дурново пропел несколько недель назад в Мариинском дворце свою лебединую песню, обратившись ко власти, разучившейся приказывать. Эта памятная речь Дурново прозвучала столь резким диссонансом в кругу даже его политических единомышленников, что вызвала отказ покойного от лидерства», – отмечало прогрессистское крыло в некрологе правого политика [20, 12 сентября]. «Со смертью П.Н. Дурново крайние правые лишились вождя, которому нельзя было отказать в последовательности и упорстве, – отмечал К.К. Арсеньев. – Это был обломок прошлого, уцелевший среди развалин, но не находивший себе места в новом здании» [4, 371]. «Реакция лишилась одного из преданнейших своих слуг, общественность России видит сходящим в могилу злейшего своего врага», – ликовало «Утро России» [20, 12 сентября].

И ликование это вполне объяснимо, учитывая, что в могилу сошел один из самых ярких и авторитетных вождей правого крыла Государственного совета, чьи слова всегда приковывали к себе внимание как его единомышленников, так и противников, и с чьим именем связывались надежды одних (и опасения других) на создание в законодательных учреждениях консервативного «Черного» блока. П.Н. Дурново не оставил по себе наследника, да и не мог оставить, так как людей равных ему по административному опыту и деловым качествам среди правых верхней законодательной палаты не было. Не желая хвалить своего политического противника, К.К. Арсеньев облек вывод своих рассужде-

¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 62. Л. 1.

ний в следующую форму: «Плохим Ахиллом был П.Н. Дурново, но его подражатели плохи даже в роли ахилловых мирмидонян» [4, 371]. Однако последнее обстоятельство, конечно же, не могло не радовать либеральную оппозицию.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Андреевский В.М. Автобиографические воспоминания // Электронный ресурс: Родословное древо. Тамбовская генеалогия и демография. Публ. по: Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-5328. Оп. 1. Д. 7. URL: <http://www.tambovdem.ru/memory.php?id=andreevsky> (дата обращения: 18.10.2010).
2. Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 8.
3. Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 9.
4. Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 10.
5. Бородин А.П. П.Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3.
6. Борьба с немецким засильем. Речь члена Государственной думы А.Н. Хвостова в заседании 3 августа 1915 г. Пг., 1915.
7. Вечернее время. 1915.
8. Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи. – СПб., 2009.
9. Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия XI. 1915. – Пг., 1915.
10. Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А.В. Репников. – М., 2008.
11. Дурново П.Н. Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павлович // Красная новь. 1922. № 6 (10).
12. Мичурин А.Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. – СПб., 2010.
13. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Кн. 2. – Нью-Йорк, 1955.
14. Новикова Е.Э. Государственный совет в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг. (из истории кризиса «верхов» накануне буржуазно-демократической революции): Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985.
15. Оскольский Н. Дурново // Утро России. 1915. 12 сентября.
16. «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска / вступ. ст., подгот. текста и коммент. З.И. Перегудовой. – М., 2004. Т. 2.
17. Павлович М. [Вступление] // Дурново П.Н. Записка // Красная новь. 1922. № 6 (10).
18. Раупах Р.Р., фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего): Воспоминания члена ЧСК 1917 года / ред. и коммент. С.А. Маньков. – СПб., 2007.
19. Тарле Е.В. Германская ориентация и П.Н. Дурново в 1914 г. // Былое. 1922. № 19.
20. Утро России. 1915.